

Е Цзюньчэ не мог даже представить, как Цзысан Яньшу пережил те дни в месте захоронения драконов и три тысячи лет поисков осколков души.

Чиань говорил, что он перевернул весь небесный мир, словно обезумев, истребив половину небесных божеств.

Мин Юй говорил, что, будучи раненым, он никогда не лечил себя и не принимал лекарств.

Шисы говорил, что он всегда был одинок, и никто не мог понять, о чём он думает.

Всё это было той стороной Цзысан Яньшу, которую Е Цзюньчэ никогда не знал, и, возможно, даже прежний Цзянь Сюй не видел его таким.

Заметив боль и изумление в глазах Е Цзюньчэ, Фэн Вэй с грустью произнесла:

— Это прошлое Цзысан, и я не имею права рассказывать о нём вам, божественный владыка. На этом мои слова заканчиваются. Если Цзысан сам не расскажет, прошу вас также не упоминать об этом.

— Разумеется, — тихо ответил Е Цзюньчэ, невольно поднимая взгляд на уже рассеявшиеся тучи.

Мгновение назад небо было затянуто чёрными тучами, и казалось, что вот-вот хлынет ливень, но не раздалось даже грома — тучи рассеялись, оставив ясное небо.

Божества странные, и даже погода меняется непредсказуемо.

Поняв скрытые мысли Е Цзюньчэ, Фэн Вэй медленно сказала:

— Те огромные тучи, что вы видели, божественный владыка, вероятно, были небесными воинами. Когда вы разрушили демонический барьер, энергия священного дерева вызвала небесные аномалии, а поднявшаяся к небу демоническая ци смешалась с аурой Цзысан. Вероятно, небесные властители решили, что Цзысан снова устроит беспорядок, и послали воинов. Верховное божество Мин Юй, должно быть, пошёл остановить их.

— Ну и пусть приходят эти небесные воины, что они смогут сделать?

Шисы, скрестив руки на груди, стоял за спиной Е Цзюньчэ, прислонившись к столбу, и с нескрываемым презрением смотрел на только что рассеявшиеся огромные тучи.

Услышав это, Фэн Вэй прямо бросила на него неодобрительный взгляд и отрезала:

— За эти годы, проведённые рядом с Цзысан, ты стал слишком самоуверенным, прямо как он сейчас.

Самонадеянность Шисы Тин Юэ ощущал на себе в полной мере, но на словах он не мог упустить возможности уколоть его:

— Он самоуверен только потому, что за ним стоит Король Драконов. Теперь, когда Король Драконов тяжело ранен, если небесных воинов действительно придёт много, то рассчитывая лишь на себя, ему не избежать плена.

Вновь услышав язвительные насмешки Тин Юэ, Шисы бросил на него взгляд, острый как нож, и прорычал:

— Смертный, я терпел тебя уже много раз. Ты специально со мной ссоришься, да?

Когда эти двое оказывались вместе, покоя не было никому. Е Цзюньчэ не хотел слушать их перепалку и напомнил:

— Вы оба, если хотите поспорить или подраться, найдите другое место. Цзысан всё ещё отдыхает внутри.

Едва зашла речь о том, что Цзысан Яньшу отдыхает, Шисы, уже собиравшийся проучить Тин Юэ, тут же успокоился.

Он украдкой взглянул на плотно закрытую дверь и тихо спросил Е Цзюньчэ:

— Мой брат сильно ранен?

Хотя Шисы был вспыльчивым и настоящим повесой, и не зря его в небесном мире звали «маленьким наследным принцем», его чувства к Цзысан Яньшу были подлинными и чистыми.

Мгновение назад он готов был взорваться, а теперь вдруг превратился в послушного ребёнка — перемена была невероятно быстрой, и Е Цзюньчэ не сразу смог её осмыслить.

Спустя мгновение Е Цзюньчэ мягко улыбнулся и тихо ответил:

— С Цзысан всё в порядке. Ты должен верить своему брату. Ведь он Король Драконов Южного Моря, одно движение которого заставляет содрогаться все три мира.

Шисы невероятно гордился этим, словно речь шла о нём самом, и не мог скрыть своего торжества:

— Конечно! Во всех трёх мирах нет ни одного божества, которое могло бы сравниться с моим братом.

Эту самодовольную мину Тин Юэ вынести не мог и тут же принялся разоблачать:

— Но сколь бы могущественным он ни был, это всё равно Король Драконов, а не ты.

Едва успокоившаяся атмосфера из-за слов Тин Юэ снова накалилась. Если бы не мысль о том, что Цзысан Яньшу ещё отдыхает, Шисы уже вдавил бы Тин Юэ в землю.

Е Цзюньчэ с глубоким вздохом посмотрел на Тин Юэ и с некоторой усталостью произнёс:

— Учитель, зачем ты так поступаешь? Ты же прекрасно знаешь, что не являешься соперником для Шисы, и каждый раз после своих колкостей получаешь синяки и ссадины. Зачем ты продолжаешь его провоцировать?

Когда они ещё были в школе, Тин Юэ был послушным и прилежным младшим учеником, но теперь, едва завидев Шисы, он совершенно выходил из себя.

Судя по выражению лица Шисы, он явно не собирался отступить. Е Цзюньчэ покачал головой и с покорностью судьбе сказал:

— Если хотите пошуметь, то отойдите подальше. Только, пожалуйста, не доводите до драки.

Эти двое ссорились и дрались уже не в первый день. Фэн Вэй знала Шисы тоже не первый день, поэтому ни Е Цзюньчэ, ни она сама не беспокоились о том, во что может вылиться их стычка, лишь с сожалением покачали головами и занялись каждый своим делом.

Е Цзюньчэ отлучился ненадолго, а когда вернулся в комнату, та уже превратилась в ледяную пещеру. Даже в бессознательном состоянии Цзысан Яньшу постоянно напоминал себе, что нельзя поддаваться внутреннему демону.

Подойдя к кровати, Е Цзюньчэ взял Цзысан Яньшу за руку, мягко передавая ему духовную силу, и, пока тот пускал истинную ци в обратный поток, растапливал лёд, покрывавший его тело.

Теперь вся комната была словно ледяной погреб, а тело Цзысан Яньшу — словно бездонная пропасть: сколько духовной силы ни передавай, лёд на нём не таял.

И всё же Е Цзюньчэ продолжал сидеть у кровати, безостановочно передавая ему силу, даже если только что растаявший лёд тут же снова покрывал его тело.

— Цзысан, я видел твоё могущество во всех трёх мирах. Одна лишь твоя аура способна привлечь множество небесных воинов. Скажи, если ты не проснёшься, а верховное божество Мин Юй не сможет их удержать, и они действительно придут, и увидят, что ты спишь, — не подорвёт ли это твой авторитет?

— Цзысан, завтра твой день рождения. Я давно приготовил подарок, но всё никак не успевал спросить, когда же он. Не думал, что о твоём дне рождения мне сообщит верховное божество Мин Юй.

— На самом деле, Цзысан, на той картине с белым драконом есть ещё один слой. Это чувства господина Лю Шуансы к тебе. Возможно, он не осмеливался выразить их открыто, поэтому спрятал в картине с белым драконом. Не знаю, видел ли ты их.

— Вообще, ещё когда я впервые ступил в Гуйсюнь, у меня было смутное ощущение: твой взгляд, устремлённый на меня, на самом деле смотрел не на меня, а сквозь меня — на другого человека, того, что врезался в твою плоть и кровь. Но я никогда не осмеливался глубоко задуматься об этом, боялся, что мои догадки окажутся правдой. Я предпочитал ничего не знать, лучше уж оставаться в счастливом неведении.

— Цзысан...

— Цзысан...

Был ответ или нет, Е Цзюньчэ непрестанно говорил Цзысан Яньшу в ухо, выкладывая те сердечные тайны, о которых в обычные дни не знал, с чего начать.

Когда он впервые узнал о Лю Шуансы в Сихайге, то, вернувшись, снял картину с белым драконом и всю ночь внимательно её разглядывал.

Той ночью он случайно поднёс картину с белым драконом к свече, и под её светом увидел на картине ещё одну строку:

«Сейчас мы смотрим друг на друга, но не слышим. Пусть лунный свет осветит тебя».

Одной этой строки Е Цзюньчэ было достаточно, чтобы понять чувства Лю Шуансы к Цзысан Яньшу.

Поэтому после той ночи Е Цзюньчэ стал особенно внимателен к Лю Шуансы, захотел узнать каждую мелочь, что происходила между ними.

Всю ночь Е Цзюньчэ без умолку говорил Цзысан Яньшу в ухо разные пустяки, одновременно непрестанно передавая ему духовную силу, ощущая, как лёд на теле Цзысан Яньшу тает и тут же снова замерзает.

Е Цзюньчэ и сам не знал, сколько времени прошло, лишь почувствовал, что в комнате уже не так холодно. Когда он это осознал и опустил взгляд, то увидел, что лёд на теле Цзысан Яньшу медленно тает и больше не восстанавливается с прежней скоростью.

Увидев это, Е Цзюньчэ обрадовался и инстинктивно затаил дыхание, не сводя глаз с лежащего на кровати Цзысан Яньшу.

Веки лежащего на кровати человека дёрнулись.

Лишь от этого лёгкого движения Е Цзюньчэ затаил дыхание, даже дышать не смел слишком громко, глаза неотрывно следили за Цзысан Яньшу, ни на мгновение не расслабляясь, боясь, что стоит ему моргнуть — и он пропустит тот миг, когда тот откроет глаза.

— Цзысан...

Е Цзюньчэ окликнул его едва слышно, полный ожидания, жажда услышать ответ, хотя бы увидеть, как он пошевелится.

Хотя бы раз.

Веки Цзысан Яньшу дрогнули дважды, длинные ресницы затрепетали, словно крылья бабочки.

<http://bllate.org/book/15101/1334325>